

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Серен Кьеркегор (1813–1855)

Глава 4. Современная философия

«Понятие страха» (1844)

Учение Кьеркегора занимает важное место в истории философии, и это убедительно показывает Сартр в своих «Проблемах метода». Место – это, конечно, не «первое», поскольку Кьеркегор строил свою теорию, прежде всего, как опровержение философии Гегеля. Так что в каком-то смысле можно сказать, что значение Кьеркегора в истории философии определяется значением гегелевской системы. В то же время Кьеркегор актуален и сегодня в одном весьма существенном аспекте: он пошел дальше Гегеля, который не обращал внимания на реальное человеческое существование, отмечает Хесс. Например, во введении к «Понятию страха» Кьеркегор говорит: «Шлейермахер говорил только о том, что знал, тогда как Гегель, несмотря на все свои превосходные качества и исполинскую ученость, во всех достижениях только лишний раз напоминает о том, что был в немецком значении слова профессором философии огромного масштаба».

Индивидуальный жизненный опыт отсутствует как в системе Гегеля, так и в марксизме. Следовательно, Кьеркегор нашел для своей философии нишу, не затронутую этими двумя учениями.

«Он был первым, кто задумался о человеческом существовании. Его философское наследие заслуживает серьезного внимания. Экзистенциализм Сартра и некоторые другие теории можно в определенной степени рассматривать как продолжение учения Кьеркегора. Для того чтобы понять, каким образом это учение появилось на свет, необходимо ознакомиться с историей жизни философа», – пишет Реми Хесс.

Отец Кьеркегора был торговцем шерстяными изделиями и довольно быстро сделал себе состояние. Уже к своему сорокалетию, в 1797 году, он смог оставить коммерцию. Питая глубокий интерес к литературе, философии и религии, отставной торговец широко распахивает двери своего дома перед интеллектуалами Копенгагена. Серен, родившийся в 1813 году, был его седьмым и последним ребенком. Однако в период с 1819 по 1834 год в семье умирают два брата, три сестры и мать Кьеркегора. В живых остаются лишь два сына, Петер и Серен, и отец дает им серьезное классическое образование. Мальчики изучают древнегреческий и латинский языки, и отец, желая, чтобы сыновья стали священниками, посылает их в лучшую школу Копенгагена. После смерти отца братья делят между собой наследство. Петер становится пастором, а в 1856 году – даже епископом. Сёрен же, несмотря на успешную сдачу всех экзаменов, не хочет быть священником. Он решает полностью посвятить себя писательскому труду и живет на отцовское наследство.

Подход к экзистенциальной проблематике

Однажды Сёрен узнал, что отец, ранее бывший в его глазах человеком безупречным перед людьми и Богом, некогда совершил тяжкий грех. Кьеркегор не рассказывает, откуда он узнал отцовский секрет. Но известно, что после смерти первой жены его отец женился на служанке, вскоре родившей ему ребенка. Здесь кроется какая-то тайна, возможно – изнасилование. Кьеркегор никогда не говорил о своей матери. Открытие причины душевных мук отца вызвало в Сёрене такой ужас, что в 1836 году юноша порвал с ним, отказался от духовной карьеры и в течение двух лет вел жизнь светского бездельника в салонах Копенгагена. Но от навязчивых мыслей об отцовском грехе он так и не смог избавиться.

Молодой человек «берется за ум» лишь после смерти Поуля Мартина Мёллера, своего учителя и друга. Кьеркегор возобновляет учение и успеваает примириться с отцом, который вскоре после этого умер. Эта смерть настолько потрясла Сёрена, что он решает посвятить себя творческому труду. Он пишет: «Он мертв, но не во мне, а для меня, для того, чтобы, если это возможно, что-то еще из меня могло получиться». В 1841 году Кьеркегор защищает магистерскую диссертацию по философии «О понятии иронии с постоянной оглядкой на Сократа». Это сочинение заложило основы экзистенциальной философии, в нем отстаивалось право философа на субъективность, в противовес модной тогда гегелевской системе.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 14. Серен Кьеркегор (1813–1855)

Неудачная помолвка

В 1837 году Кьеркегор познакомился с Региной Ольсен и влюбился в нее до безумия. Девушка отвечала ему взаимностью. Но Сёрен, убежденный, что истинный супружеский союз не терпит секретов, не смог решиться на то, чтобы поведать невесте собственные тайны (об отце, о своей меланхолии, о бывшей распутной жизни). В 1840 году, несмотря на все усилия Регины, Кьеркегор с болью душевной разорвал помолвку. Чтобы заставить о себе забыть, он отправился в Берлин, где прослушал курс философии Шеллинга, в котором, впрочем, быстро разочаровался. В конце концов, Регина вышла замуж за другого, а ведь Кьеркегор надеялся, что эта необыкновенная девушка всегда будет чувствовать духовную связь только с ним. Прозрение было жестоким, философ с головой уходит в работу и в период с 1843 по 1845 год пишет несколько больших трудов, в которых под разными псевдонимами рассматривает различные возможности человеческого существования. Именно в этих трудах Кьеркегор заложил основы своей философской теории.

Стычка с Корсаром

Как раз в это время у Кьеркегора произошла неприятная история с газетой Корсар. По мнению официальных властей, этот бульварный листок развращал нравы населения, издеваясь над «уважаемыми и мирными людьми, которые служат государству, честно отдаваясь каждый своему делу». Однажды газета ненароком похвалила Кьеркегора, и тот испугался, что именно его сочтут автором всех этих грязных сплетен. Философ провоцирует Корсар на оскорбление. Ответ не заставил себя долго ждать: вскоре в «Корсаре», под псевдонимом «Мёллер», появилась статья с издевкой по поводу «диалектической» помолвки Кьеркегора, упреками в том, что в работе «Виновен – Невиновен?» он бросил на съедение публике историю своих отношений с Региной, и иронией по поводу болезненных вкусов человека, называвшего свою жизнь «залом для вскрытия трупов», а себя самого – «мертвецом».

Кьеркегор не стерпел этих нападок и немедленно на них отреагировал. В итоге жизнь философа стала невыносимой. Теперь он уже не мог спокойно прогуляться по улице, как любил это делать раньше, люди открыто смеялись ему в лицо. Кьеркегор снова ищет убежища в Берлине, но по возвращении уже не может адаптироваться к жизни в Копенгагене. В нем растет убеждение, что в людях, ставших теперь для него «массами», легко берет верх животное начало. Он видит в своих страданиях наказание за грехи. И Кьеркегор начинает задумываться о проблемах религии. Христианство представляется ему призывом к раскаянию, обращенным к каждому человеку, склоняющим его к тому, чтобы исповедаться в своем грехе и получить прощение. Церковь игнорирует сочинения философа. Даже епископ Копенгагенский Минстер, друг его отца, уважающий работы Кьеркегора, отказывается его принять. В отместку Кьеркегор избирает епископа мишенью для своих нападок.

После смерти Минстера Кьеркегор публикует в нескольких номерах журнала «Мгновение», который он тогда издавал, серию статей против церкви, предпочитающей мирскую славу мученичеству и даже не осознающей той пропасти, что отделяет ее от христианского идеала. Кьеркегор умер 1 ноября 1855 года, во время подготовки десятого номера «Мгновения», который так и не вышел в свет.

Резюме

Книга «Понятие страха» изложена в форме трактата. В ней исследуются психологические предпосылки возможности совершения человеком греха. Ранее Кьеркегор уже ставил вопрос о грехе в своих «Философских крохах» (1844).

Всякая научная проблема должна рассматриваться в рамках той или иной конкретной дисциплины. Какая же наука изучает грех? Это явно неклассическая философия, «чьей

сущностью остается имманентность, или, в греческих терминах, воспоминание». Поэтому Кьеркегор обращается к так называемой «второй философии», сущность которой – «трансцендентность, или повторение». В действительности же «грех по сути своей вообще не принадлежит какой-либо науке». Догматика выдвигает лишь само понятие греха, не исследуя то, каким образом человек его переживает. Пережитое учитывает только этика, возлагающая на человека определенные обязанности. Догматика выявляет идею греха, а психология изучает его реальное воплощение. Иначе говоря, психология занимается не возможностью греха, а его действительностью.

Страх как предпосылка первородного (по-датски: наследственного) греха и как то, что разъясняет первородный грех вспять, в направлении его истоков

Всякий индивид есть часть человеческого рода. Он связан с ним теснейшими узами, подобно тому, как и род тесно связан с каждым индивидом: «Совершенство в себе самом – это совершенное участие в целом. Ни один индивид не может быть безразличен к истории рода, точно так же, как и род безразличен к истории какого бы то ни было индивида». Это утверждение полностью справедливо и по отношению к Адаму, который был первым представителем человеческого рода: «Он одновременно является собою самим иродом. А значит, то, что разъясняет Адама, разъясняет также ирод, и наоборот», грех Адама качественно ничем не отличается от первого греха любого человека. «Через первый грех в мир вошла греховность. Ни о каком позднейшем человеке никак нельзя сказать, что через его первый грех в мир вошла греховность, а между тем она входит в мир через него совершенно таким же образом, греховность пребывает в мире лишь постольку, поскольку она входит через грех». Первому греху предшествует невинность.

«Невинность – это не что-то подобное непосредственному, не что-то, что должно быть снято, чьим определением является то, что оно должно быть снято, нечто-то, что, по сути, вообще не присутствует здесь, но она сама, будучи снятой, становится впервые через то и впервые тогда, когда она была прежде, чем быть снятой, и теперь вот снимается». Род человеческий количественно накапливает грехи. Но с экзистенциальной точки зрения «невинность всегда теряется только через качественный прыжок индивида», то есть когда он совершает свой первый грех и, следовательно, теряет свою невинность.

Кьеркегор считает, что первородный грех нельзя объяснить через понятие грехопадения. Он переходит к рассуждению о страхе, сопутствующем невинности. Страх – это «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия», это чувство, овладевающее человеком, когда в нем зарождается догадка о существовании некой силы, обладающей совершенно неведомыми возможностями.

«Такой страх столь сущностно свойствен ребенку, что тот вовсе не хочет его лишиться; даже если он и страшит ребенка, он тут же опутывает его своим сладким утешением. И во всех народах, где детскость сохранилась как грезы духа, этот страх есть; и чем он глубже, тем глубже сам народ».

Человек может лишь свободно оставаться тем, что он есть: синтезом души и тела, которые дух, – а этой есть настоящее его «я» – полагает в действительности: «Человек есть синтез душевного и телесного. Однако такой синтез немислим, если эти два начала не соединяются в чем-то третьем. Это третье есть дух».

Страх к тому же есть невинность и неведение. Следовательно, страх – это предварительное условие первородного греха и средство объяснить его происхождение, идя от противоположного: «Страх – это не определение необходимости, но он также и не определение свободы, страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе, но скована – и не в необходимости, но в себе самой. Если грех пришел в мир необходимо (что является противоречием), значит, нет никакого страха. Если грех вошел в мир через акт абстрактной свободной воли, страха опять-таки нет. Стремиться объяснить приход греха в мир логически – это глупость».

И с объективной, и с субъективной точек зрения страх количественно возрастает в роде человеческом, как следствие и причина качественного скачка, в котором каждый человек грешит свободно и представляет, таким образом, одновременно самого себя и род.

Страх, рассматриваемый в прогрессии первородного греха

«Страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю. В этом головокружении свобода рушится».

В самом деле, когда в своем головокружении неустойчивая свобода предоставляет «я» возможность совершить качественный скачок («прыжок, который не объяснила и не может объяснить ни одна наука»), то «я» полагается, как грешник, то есть как неоправданная действительность: «Страх – это самое эгоистичное чувство из всех, и ни одно конкретное проявление свободы не бывает так эгоистично, как возможность любой конкретности».

Индивид полагает себя своим грехом, а вместе с собой и весь род людской в качестве неоправданной действительности. Но этот вид полагания никак не подавляет страх: «Существуют два вида страха. Это страх, в котором индивид полагает грех посредством качественного прыжка, и это страх, который вошел в мир вместе с грехом и продолжает входить так всякий раз, когда индивид полагает грех, поэтому он входит в мир также и количественно».

Страх принимает еще одну новую форму, относящуюся ко всей действительности, полагаемой в грехе, например чувственность, которая становится не грехом, а новой, детерминированной возможностью согрешить. «Сексуальное как таковое – это еще не греховное». Ведь у индивида остается свободный выбор – грешить ему или нет.

«Только в то мгновение, когда полагается грех, сексуальное различие также полагается, как порыв и влечение». Кьеркегор показывает, как эта свобода выбора или отказа от греха увеличивает страх: «Чем больше страха, тем больше чувственности. Страх перед грехом сам создает грех». Иначе говоря, индивид одновременно виновен и невиновен: «Индивид становится виновным в страхе не перед тем, что он стал виновным, но перед тем, что его считают виновным».

Страх как следствие того греха, который является отсутствием сознания греха

Эта глава начинается с пространного рассуждения о времени, предвосхищающего размышления Гуссерля о «феноменологии внутреннего сознания времени». Как уже показал Кьеркегор, дух позволяет осуществить синтез души и тела. Что же приводит к синтезу временного и вечного? Что является третьим здесь?

Прежде всего, Кьеркегор видит во времени последовательность. По его представлениям, не существует ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Настоящее вообще невозможно определить. Существует лишь бесконечная последовательность. Для того, чтобы в осознании времени выделить отдельное мгновение, необходимо воображение, которое размещает время во мгновении или мгновение во времени. Понятие настоящего, следовательно, не имеет отношения ко времени, за исключением того, что оно «бесконечно и лишено содержания», что опять-таки является бесконечным исчезновением. Вечное, напротив, как раз и есть настоящее. Для мысли это – снятая последовательность. Древние римляне считали, что божество – *praesens* (т. е. «присутствует», иначе говоря, может непосредственно вмешаться в настоящее).

Кьеркегор замечает, что о чувственной жизни обычно говорят, «что она пребывает во мгновении и только во мгновении». Мгновение есть прикосновение вечности ко времени. В датском языке, как и в немецком, слово «мгновение» имеет также значение «взгляд». Статуя, навечно запечатлевающая мимику актера или исторического деятеля, показывает нам, что такое мгновение. И напротив, латинское слово «*momentum*» происходит от «*movere*» – двигаться, а значит – исчезать. Мгновение есть атом не времени, но вечности. Природа во мгновении не существует, а вот человек благодаря своему духу существует. История всегда начинается во мгновении.

«Мгновение – это та двусмысленность, в которой время и вечность касаются друг друга, и вместе с тем полагается понятие временности, в которой время снова и снова разделяет вечность, а

вечность снова и снова пронизывает собой время. Только теперь разделение, о котором мы говорили, получает наконец свой смысл: настоящее время, прошедшее время, будущее время»,

Будущее имеет большее значение, чем настоящее и прошлое, ибо будущее есть целое, а настоящее и прошлое составляют лишь его части. В языке будущее можно также уподобить вечному. Прошлое выводится из мгновения и будущего. Кьеркегор рассказывает о восприятии древних греков, которые видели вечность в прошедшем. В него можно войти, лишь «вернувшись назад».

«Синтез душевного и телесного должен полагаться духом, но дух – это вечное, а поэтому синтез появляется только тогда, когда дух полагает первый синтез вместе со вторым синтезом, то есть вместе с синтезом временного и вечного».

Мы видели, что дух как возможность самого себя («возможность свободы») выражается в индивидуальности в образе страха. Подобно этому, и будущее («возможность вечности») в индивиде также проявляется как страх.

Индивид страшится потерять возможность еще до того, как она представится. Возможное полностью соответствует будущему. Страх может существовать лишь по отношению к будущему, насколько оно возможно. Страх – это психологическая стадия, предшествующая греху. Как только полагается грех, временность становится греховностью. Далее страх описывается как страх бездуховности, диалектическая определенность, ведущая к понятию судьбы, и диалектическая определенность, ведущая к понятию вины.

Страх греха, или страх как следствие греха в единичном индивиде

В результате качественного скачка грех входит в мир. Можно бы предположить, что после совершения греха страх должен исчезнуть, поскольку этот страх относился лишь к возможности. Но, как ни парадоксально, и после совершения греха страх остается. Появляется возможность совершения нового греха, поскольку после качественного скачка вместе с грехом в индивиде полагается различие между добром и злом.

Страх перед злом. Он происходит от того, что возможность, снятая в грехе, есть одновременно неоправданная действительность, которая должна снова подвергнуться отрицанию. Отсюда и зарождается страх перед злом. Этот страх пытается отвергнуть грех. В тоже время, двигаясь от греха к греху, человек всегда способен пасть еще ниже, и это возможное падение вызывает новый страх. И наконец, при раскаянии страх бывает наибольшим: он усугубляется в угрызениях совести.

Страх перед добром (демоническое). Здесь Кьеркегор говорит о тех, кого принято называть одержимыми или бесноватыми. С эстетико-метафизической точки зрения поведение таких людей объясняется их несчастной судьбой; с этической – их следует осуждать и наказывать; медицина считает их состояние телесной болезнью. Кьеркегор же полагает, что все демоническое можно определить единственным образом, как страх перед Добром, что люди, страдающие им, сами являются воплощением этого страха: «В невинности свобода еще не полагалась как свобода, ее возможностью в индивидуальности был страх. В демоническом же отношении наоборот. Свобода полагается, как несвобода, ибо свобода тут потеряна. Возможность свободы здесь – это опять-таки страх».

Кьеркегор считает, что демоническое – это закрытое, или «несвободно открываемое». Закрытость в данном случае – это не высшая мудрость, а наоборот, невозможность выразить себя. Страх у одержимых – это страх перед открытием, перед открытием Добру, но в первую очередь, перед «открытием» как таковым.

Кьеркегор видит в этом состоянии обширное поле для исследований психологов. Между прочим, он вскользь бросает: «Стоит только обратить внимание на то, что поблизости, и наблюдателю хватит пяти мужчин, пяти женщин и десяти детей, чтобы обнаружить все человеческие душевные состояния, которые только возможны». Затем философ перечисляет различные типы современной демоничности, в зависимости от того, каким образом человек потерял свою свободу. Вначале он исследует случаи телесно-психической утраты сво-

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 14. Серен Кьеркегор (1813–1855)

боды (излишняя возбужденность и чувствительность, чрезвычайная раздражительность, неврастения, истерия, ипохондрия, животная испорченность).

Затем Кьеркегор переходит к пневматической утрате свободы, которая может проявляться по-разному (как неторопливость, которой хочется «еще раз подумать»; как любопытство, которое никогда не становится чем-то большим, чем простое любопытство; как нечестный самообман; как женственная слабость, которая постоянно обращается к другим за утешением; как возвышенное пренебрежение; как ничтожная деловитость и так далее). Здесь философ хочет прежде всего сказать, что в противоположность мнению Гегеля, рассматривавшего лишь движение вечной идеи.

«Истина существует только для единичного индивида и в той мере, в какой он сам создает ее своим действием. Если истина существует для индивида каким-то иным образом, если человек препятствует ей существовать для него таким образом, мы имеем дело с явлением демонического».

Утрата свободы на уровне духа происходит от отсутствия внутреннего содержания и представляет собой либо пассивную активность, либо активную пассивность. Это отсутствие всегда проявляется в сфере рефлексии «я». Кьеркегор исследует разные формы активной пассивности и пассивной активности (неверие – суеверие; лицемерие – возмущение; гордость – трусость. Затем философ переходит к понятиям уверенности и внутреннего смысла): «Тот, кто действительно любит, едва ли может находить радость, удовольствие в том, чтобы докучать себе определениями того, что же такое, собственно, эта любовь». И в заключение главы Кьеркегор рассматривает ложные отношения демонического с вечностью.

Страх как спасение силой веры

В этой короткой главе Кьеркегор объясняет, что, будучи «возможностью свободы», страх обладает «абсолютной воспитательной ценностью». Он «пожирает все конечное» и учит индивида верить себя Провидению, и тогда вера делает его способным увидеть все в новом свете, а значит, «получить все обратно – как никто другой в действительности».

Комментарий

Главный вопрос, который Кьеркегор исследовал в своем «Понятии страха», а в более общем плане во всем своем творчестве – это субъективность. Даже если отвлечься от религиозной атмосферы, в которой прошла вся жизнь Кьеркегора, вопрос о субъективном, то есть о месте индивида в качестве единичного субъекта, остается отправным пунктом в философии многих более поздних мыслителей. Как субъективность может раствориться в истории? Каким образом может происходить ее отрицание общественными институтами? Эти вопросы актуальны и сегодня.

Неудивительно, что, помимо таких христианских философов, как Габриэль Марсель, экзистенциализм которого, что вполне естественно, уходит корнями в учение Кьеркегора, даже многие мыслители, полностью порвавшие с религией – Сартр, Хайдеггер, Ясперс, Лукаш, ощутили потребность в глубоком изучении его теории.

У Кьеркегора есть мысль о неуничтожимости единичности. Не отрицая человеческой природы, ведущей начало от Адама, Кьеркегор доказал, что человек всегда пользуется своей свободой, переходя в скачке от невинности к греху. Восстановление в своих правах субъективного было у философа настолько убедительным, что породило в качестве ответной реакции целое направление в философии, считавшее субъективное чем-то неприличным и вновь поставившее во главу угла универсальное (неогегельянство, марксизм).

Кьеркегор породил также новую форму философии, которую можно назвать буйной. Кьеркегор философствует с глубиной в руках. Он постоянно провоцирует скандалы, он ни с чем не согласен. В таком тоне позже писали Маркс в своей «Немецкой идеологии», а также Ницше.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 14. Серен Кьеркегор (1813–1855)

Его полемика с умозрительной философией заставляет говорить о «внутренне напряженной субъективности, о существовании как о постоянной тревоге и мучениях». Этика для Кьеркегора означает нечто общее. Правила, обязательные для всех, не заслоняют для него особенность индивида. Общее не может ни содержать, ни выразить тайны «я». Но может быть, этика все же не такова? Возможно, Кьеркегор не видел проблемы отношений с другими, той уникальной ответственности, которая налагается на человека, когда он может дать другому нечто, чего никто другой не может? А может быть, это из области той науки, которую Кьеркегор называет «второй этикой»?

Новый взгляд на христианство

По существу, Кьеркегор ополчается на религиозные институты, забывшие о своей пророческой роли. С того самого момента, когда христианство вошло в мир, оно стало «манерой жизненного поведения, обязательной для всех» (Боффре). Кьеркегор поставил себе целью «новое обретение христианства – страстное и внушенное страстью». Подобно тому как это сделал Паскаль по отношению к Декарту, Кьеркегор обнаруживает в христианстве новые глубины, спасая его от участи, определенной ему Гегелем. В этом смысле можно даже сказать, пишет Реми Хесс, что Кьеркегор оказал определенное влияние и на эволюцию взглядов на религию.